мы не выходим за пределы Тверского сборника. Прошло почти сто лет со времени появления трактовки А. Ф. Бычкова, а сомнение в соответствии заголовка последующему тексту остается в полной силе.

Почему можно, опираясь на заголовок, толковать слова «от слова честь» как говорящие о летописи, посвященной времени Михаила Александровича, если в заголовке сказано, что это летописец «княжения... великих князей тферских», а не одного Михаила? Почему, если последовательность текста не нарушена, летопись времени Михаила начинается после рассказа о его смерти? Почему начало этой летописи стоит именно под 1402 г., если Михаил умер в 1399 г.? Заголовок говорит о летописи, как, допустим, и трактуемые слова текста, но где же сама эта летопись? Если ею является весь текст, идущий от заголовка и до сообщения о вокняжении Ивана Михайловича, то что это за странная летопись, составитель которой пробегает на двух-трех листах события от 1327 по 1400 г. и при этом ни разу не употребляет обычной для летописи формы — погодных известий? Если же означенный раздел есть предисловие к летописи времени Михаила, то где же тогда эта летопись, если после предисловия идет речь уже не о Михаиле, а об Иване? Как видим, даже единственный довод, имевшийся у А. Ф. Бычкова в пользу его трактовки, не разрешал всех этих вопросов. Так возникло мнение о существовании «Летописца княжения Тферскаго».

Вторая ошибка А. Ф. Бычкова вытекает из первой. В Тверском сборнике составитель, получивший заказ от Бориса Александровича, начиная писать «от слова честь» Михаилу, говорит: «Прьвое честь мужу речем, да ведомо всем будет, от которого богасадного корени таковаа доброплоднаа отрасль, или реку, ветв, израсте...».[8] Эти слова памятника уже сами по себе не в пользу А. Ф. Бычкова решают спор о том, что́ именно заказал Борис Александрович. Под возданием «чести» Михаилу сам составитель, оказывается, понимал не летопись событий его времени, а его биографию, житие — повесть о нем, ибо «первой честью», т. е. первым, чем он воздал честь Михаилу, было описание родословия Михаила. Перечислив «степени» его родословия, он заключает: «Дозде пишущу уставихом ис пьрваго летописца въображающе, якоже Володимерский полихрон, степенем приведе, яве указует, и пречестнейша сего в князех являет словуще имя Михаила Александровича».[9] Если рассматривать оба приведенных отрывка в связи друг с другом и с текстом, идущим между ними, а не вырывать последний отрывок из контекста, как сделали это и А. Ф. Бычков и позднее А. А. Шахматов, то толкование последнего отрывка может быть только одно, именно то, которое дал В. О. Ключевский: «полихрон понадобился автору, чтобы изложить родословную князя».[10] Воздав эту «первую честь» Михаилу, он поэтому именно здесь и пояснил, что до этого места он пишет из Владимирского полихрона, давая вместе с тем понять, что далее он пишет по другому своему источнику.

Однако А. Ф. Бычков, не обратив внимания на слова памятника о «степенех», написал следующее: «При изложении событий, предшествовавших вступлению на престол Михаила Александровича, составитель Летописи, как он сам говорит, руководствовался Владимирским полихроном».[11] Так «Летописец княжения Тферскаго» получил свой источник, которым в действительности пользовался автор «Повести».

---

[8] ПСРЛ, т. XV, стлб. 464.
[9] ПСРЛ, т. XV, стлб. 465.
[10] В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М, 1871, стр. 178.
[11] ПСРЛ, т. XV, стр V.